

⁸ С типологической точки зрения в болгарском логично выделять не две омонимичные формы *ще съм + л-РТСР*: выражающую таксисные значения (будущее предварительное), с одной стороны, и значения эпистемической модальности (тпрезупптив), с другой, а одну семантически многозначную, так как тот же семантический спектр у предбудущего встречается во многих других европейских языках, в том числе и в албанском.

⁹ См. также: *Andersen H. Periphrastic futures in Slavic: Divergence and convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation. Eksell K., Vinther T. (eds.). Bern, 2006. С. 9–45.*

¹⁰ Asen Hristoforov Dzherom K. Dzherom Trima dushi v edna lodka (bez da stava дума за kucheto). Национальный корпус болгарского языка: URL: <http://search.dcl.bas.bg/> (дата обращения: 08.04.2018).

¹¹ (Й. Йовков) *Деянова М. Към характеристиката на новобългарското бъдеще предварително време // Пашов П., Ницолова Р. Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.*

¹² Пример сообщен Миславом Беничем.

¹³ *Коваћевих М. Употреба футура II у простој реченици // Српски језик — студије српске и словенске. 2009. № 14. 1–2. С. 65–75.*

¹⁴ *Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Т. II. Београд, 1986. С. 683.*

¹⁵ *Добрушина Н.Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.*

¹⁶ Пример сообщен М. Беничем.

¹⁷ (Александр Литвиненко. Лубянская престъпна групировка (Здравка Петрова, 2003)) Национальный корпус русского языка: URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.04.2018).

¹⁸ *Макарцев М.М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб., 2013.*

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.3.4

Е. О. Борисова

О семантической структуре гнезда рус. *строгий* (русские диалектные значения на славянском фоне)*

На территории Архангельской области фиксируется прилагательное *строгий* ‘быстрый, стремительный (о ручье)’ — *Весенний ручей строгий был, с шумом, бурный*. Необычность

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

денотативной сферы, к которой относится носитель признака, побудила нас обратиться к семантике прилагательного *строгий*. Это слово известно большинству славянских языков (укр. *строгий*, белорус. *строгі*, болг. *строг*, сербск. *стро̑г*, словен. *strôg*, чеш. *strohy*, польск. *strogi*) и не имеет однозначного этимологического объяснения.

В развитии семантики прилагательного *строгий* и производных от него слов просматривается несколько направлений. Первое из них включает значения, описывающие **личностные характеристики человека**. Так, в большинстве славянских языков слова из гнезда **sorg-* называют жесткого, сурового или жестокого человека: рус. литер. *строгий* 'очень требовательный, взыскательный' — *Строгий учитель*, рус. сев.-двин., том. *строгий* 'серьезный' — *Строгой, в руках все держал*, рус. арх., среднеобск. *строгий* 'злой, имеющий привычку драться, бить, жестокий (о человеке)' — *Он был строгий такой, поколачивал ее*; укр. *строгий* 'свирепый, жестокий', *строг* 'жестоко, свирепо'; польск. литер. *strogi* 'жестокий, суровый, страшный', кашуб. *srogi* 'то же' и мн. др.

Названные признаки («жесткий», «жестокий», «требовательный») могут метонимически переноситься на неодушевленные объекты — *строгий тон* («выражающий требовательность»), *строгий закон* («не допускающий послаблений») и, наконец, *строгое время* («очень тяжелое, невыносимое, полное испытаний, трудностей»). Лексемы, семантика которых включает признаки требовательности, невозможности послаблений (ср. дефиниции 'не допускающий никаких снисхождений, послаблений', 'позбавлений мягкости, поблажливости' и проч.), имеют тенденцию к **терминологизации** и используются как в разговорной речи для обозначения наказаний, так и в сфере права: рус. *строгий выговор* 'самая высокая мера наказания в системе взысканий в учреждениях, организациях и т. п.', *строгий арест* 'мера наказания военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава, при которой арестованные содержатся в одиночных камерах', рус. том. *строгий* 'не допускающий никаких снисхождений; суровый' — *Ему присудили десять лет строгого, а*

чѣ он, платить станет?»; рус. *строгость* *дать* арх. 'прочитать наставление', омск. 'наказать за непослушание' и др.

В отличие от западнославянских языков, рус., укр. литер. слово *строгий* лишено негативных коннотаций, в его значении доминирует признак соответствия норме, требованиям: рус. литер. *строгий* 'не допускающий никаких отклонений', 'точный', 'не допускающий отступлений от принятых норм поведения, морали', укр. *строгий* 'то же'.

В русских народных говорах наблюдается отчетливая тенденция к сужению и **конкретизации значений**.

Применительно к человеку *строгий* выражает семантику осторожности: рус. новг. *строгий* 'осторожный', рус. смол. *строга* 'тщательно, осторожно' — *Я строга пайду, ни пьтанчу; Мы чиста, строга живём; Я строга их пьнису, ни пабьюца*. Появление такой семантики может объясняться, с одной стороны, актуализацией признака осторожности в связи с мотивом соответствия норме (вероятно как стремления избежать ошибок) или аттракцией непосредственно к лексеме *осторожный*; с другой стороны, рефлексом более древнего значения, если принимать версию о связи *строга* с **stregt'i* (ср. белорус. *строгий* 'чуткий' — *Хлопец строгое вухо маець; ци гукнуць, зараць прочнецца*).

Идея порядка, отсутствия отклонений от нормы реализуется по отношению к имуществу и понимается как бережливость, а далее как скупость и жадность: рус. перм. *строгий* 'бережливый, скупой', рус. новг. *строгий* 'жадный' — *Вот какая строгая баба: не дала и хлеба* (ср. также белорус. *строгий* 'осторожный, бережливый' — *Ёнь не скуп да строгъ; лишней копейки не передасць*). *Строгим* может, наконец, называться расторопный, работающий человек («делающий правильно → быстрый, работающий»): рус. пенз. *строгий* 'работающий, дельный', пск., твер. *строгий* 'расторопный, бойкий', 'понятливый', морд. *строгий* 'быстрый, ловкий'.

Строгий используется для обозначения животных, имеющих определенные повадки. Как и в случае с «человеческими» значениями, возможны два варианта «строгости». Первый связан с поведением непослушного, своенравного

или агрессивного животного: рус. моск., яросл., дон., р. Урал, иркут. *строгий* 'норовистый (о лошади, корове, овце)' — *Есть строгие коровы, бодацкие; Строгая какая курица, всех клюет и петуха*; р. Урал *строгий* 'способный поранить острыми плавниками (о рыбе)' — *Сома мало ловят, когда станет тепло, потому, что он очень строгий и рвет снасть*; яросл. *строгий* 'о корове, подчиняющейся при дойке только хозяйке' и мн. др. Во втором случае речь идет о поведении чуткого, осторожного зверя: рус. литер. *строгий* 'в речи охотников — чуткий, бдительный, осторожный (о животных)', без м. *строгая собака* 'чуткая, бдительная'.

Эпитет *строгий* применяется по отношению к «инструменту» управления поведением: рус. без м. *строгий мундштук* 'приспособление в конской упряжи, заставляющее лошадь повиноваться, причиняя ей сильную боль', рус. обл. *строгий ответ* 'прием направления лошади удилами (во время беговых состязаний)'. Вследствие специализации значения появляется дополнительный смысловой компонент остроты: рус. без м. *строгий* 'требующий осторожного обращения, имеющий острые режущие края (о ноже и т. п.)' — *Этот ножик строгий, как раз руку обрежешь* (ср. польск. слён. *srogі* 'острый').

Строгость, суровость может также интерпретироваться как отсутствие излишеств (рус. литер. *строгий* 'правильный, отвечающий требованиям классического стиля', укр. *строгий* 'то же', рус. литер. *строгий* 'сочетающий в себе простоту и благородство линий, форм, очертаний и т. п.'). В отдельных случаях — как низкая степень проявления признака (карел. *строгий* 'темный по цвету').

Примечательно, что сочетаемость *строгий ручей* остается единичной — иных фактов с близкой денотативной группой объекта обнаружено не было. Можно сделать предположение, что в данном случае реализуется признак бойкости, «задорности».

В западнославянских языках развитие значения происходит скорее в направлении его **расширения**. Высокая экспрессивность прилагательного *srogі* (польск., кашуб.) опре-

деляет нивелирование негативных коннотаций и появление семантики высокой степени проявления признака (ср. польск. *srogi* ‘характеризующийся высоким уровнем проявления’, кашуб. *srogo* ‘bardzo, nadzwyczaj’ и др.), большого размера (польск. диал. *srogi* ‘большой’ — *Omian* (Inula helenium) *ma kwiat żółty, srogi, jak kieby pokrywecka*; польск. слён. *srogi* ‘то же’, польск. подгор. *srogi* ‘то же’ — *Srogi chłodok*; кашуб. *srogi* ‘то же’) и, наконец, высокого качества (кашуб. *srogo* ‘хорошо’, кашуб. *srogi* ‘успешный, урожайный’ — *Latosi rok je srogi na roscene*).

Отметим, что подобное развитие значений встречается, хотя и значительно реже, также в восточнославянских языках: рус. омск. *строго* ‘с усердием, хорошо (делать что-л.)’; новг. *строго хотеть чего-л.* ‘очень, сильно (хотеть чего-л.)’ — *Какой-то мужчина выпить строго хочет, а магазин закрыт*; укр. *строго* ‘очень’.

Нами были выделены основные направления семантического развития прилагательного *строгий* и ряда его дериватов в славянских языках. Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в литературных вариантах восточнославянских языков закрепляются нейтральные с точки зрения стилистической окраски значения, выражающие семантику жесткости, требования соответствовать норме; наблюдается тенденция к терминологизации лексики. В говорах лексема *строгий* и ее производные характеризуются разнообразием контекстных партнеров и большими, по сравнению с литературным языком, возможностями специализации значения. В западнославянских языках соответствующие лексемы обладают высокой экспрессивностью, при этом нередко происходит нивелирование отрицательных коннотаций.